Иван Грозный и Малюта Скуратович

Иван Грозный родился в грозовую ночь. Вот поэтому—то и прозвали его „грозным", а не потому только, что он людей мучил и казнил. Это уж после, как он стал царем, пошло на прибавку. А главное тут — грозовая ночь.

А что казнил он много народу, так это действительно правда. Разговаривать зря не любил: чуть что не по его — голова с плеч долой. А заправилой главным у него был Малюта Скуратович. „Ну-ка“, — говорит, — „Малюта Скуратович, наведи порядок". А Малюта мастер был на это: кого удавит, кого на кол посадит, кого живьем сварит.

А тогда бояре были, и пуще всего боялись веревки: не любили, чтобы в петле висеть. И просили они Ивана Грозного отменить веревку. „Отмени, говорят, эту казнь. Пусть, говорят, лучше будет пролитие крови: хоть, говорят, на мелкие куски изруби, только бы не петля, потому что это — самая подлая смерть".

А он им говорит: „Для подлецов и казнь подлая: кто что, говорит, заслужил, тот то и получай".

А эта вот какая тому причина, что они не хотели петлю. Которого казнят, тому, конечно, все равно: веревка — веревка, кол — кол, топор — топор. Его дело такое: рассчитался и ступай в землю. А вот его сродственникам, которые в живых остаются, не все равно. — „А — а! Твоего отца царь подлою казнью казнил! Значит, ваша порода такая подлая, что подлую казнь заслужила!!! Вот что скажут этим родственникам. А им от этого позор. Для них лестнее было бы, если бы ихнему отцу голову топором оттяпали, только бы не веревка. А веревка — Иудина смерть...

Понятно, это в старину так люди понимали о себе: совестились, наблюдали анбицию. А теперь всего больше совесть цыганская, а про анбицию и говорить не приходится: ну, какая у цыгана анбиция. Ты ему наплюй в глаза, а он скажет: „божья роса“. Теперь так и наровят обложить... Обставит тебя и смотрит тебе прямо в глаза. Да это что там — „смотрит". Он еще на твой счет чаю напьется! Вот какой пошел продувной народ!..

Это вот тоже одному такому объегору объегоровичу подкинул я подметки, каблуки новые сделал... Товар поставил что надоть. По доброй совести. За

пятерик сторговались.....Сейчас, говорит Парфеныч, нет ни копья, а завтра — получка... принесу". И вот уже третий год идет и все несет. Намедни встретил на улице... „А-а, говорит, здравствуй, Парфеныч. Ну, как дела? — „Да какие наши дела, говорю. Дела, говорю, прямо сказать: наплевать да размазать. Вот, говорю, иду получать долг с такого же охмурялы, как ты: два рубля второй месяц не платит". А он хоть бы что: ну, хоть бы одним глазом моргнул. Точно его это и не касается. — „Есть, говорить, у тебя расчет половинку руской горькой на паях раздавить?". Взяла меня тут досада, обложил я его матом. „Бесстыжие, говорю, твои бельмы! Ты бы, говорю, вместо того, чтобы половинки раздавливать, хоть бы по полтиннику в месяц платил мне". — „Отдам, говорит, не беспокойся. К чему, говорит, дробить? Только деньгам перевод. Я лучше целиком отдам". Вот ведь какой обормот. Ну, какая у него может быть совесть. Вот и судись с ним... Скажет: „Я его впервые вижу“, и ты же останешься в дураках.

Да и не мое это дело — судиться: сорок лет работаю, ни с кем ни судился, а на старости лет не пристало срамиться.

Вот на таких бы артистов Ивана Грозного суд: там бы живо научили ихнего брата долги платить. Там ни повесток, ни протоколов, а просто дело разбиралось. „Ты это что же, чертова на тебе голова, человеку за работу не платишь?" Да я, говорит, и гроша ему не должен". „А! Не должен? А ну-ка, Малюта Скуратович, узнай — должен он или не должен?" Ну, Малюту что учить. Развернется... бац в ухо, да вцепится в волосья и пошел таскать... уж он его куделит, куделит... — „Должен, должен, кричит, — сейчас отдам!" „Сколько же ты должен, шарлатанская твоя морда?" „Да я, говорит, господин царь Иван Грозный"... или как там еще называли в старину... Тогда ведь этого не знали: „ваше высочество", „ваше величество", а просто было — как вздумается, так и называли... „Да я, говорит, два рубля должен"... "Два? А ну-ка, говорит, Малюта Скуратович, мой верный неизменный слуга, отпусти-ка этому шеромыжнику двести горячих лозанов, по копейки за штуку. Поведи-ка, говорит, ты этого афериста на Лобное место: пусть, говорит, помолится богу, а то он уж забыл, как лоб крестят". Вот Малюта сгребает его, раба божия за воротник и поволокет на Лобное место: „Раздевайся, молись богу да прощенья, говорит, у народа проси". Ну, как помолится, поклонится, на все четыре стороны света белого, и тут скомандует Малюта: „Ложись"! И тут он научит его, как надо платить долги, тут он разъяснит ему, какое есть Лобное место. Тут такое дело: ложится человек и не знает, встанет, или тут же ноги протянет.

А Лобное это место вот почему: ведь когда надо было рубить голову человеку или, скажем, только спустить с него шкуру, сейчас велят ему молиться и кланяться народу. Вот он и молится, кланяется — стукается лбом... Вот от этого самого оно и есть Лобное... Ну, тоже — когда голову снесут: упадет и стукнется лбом... Мало ли голов слетало. Все кровью залито было... Вот оно, какое это место...

Это вот тоже история: Наполеон хотел узнать, какое это — Лобное место... Это в двенадцатом году, когда он в Москве объявился. Вот приезжает на буланом коне и спрашивает: — „А где это, говорит, тут у вас, на Красной площади, Лобное место"? Ему и указывают: „А вот это, говорят, самое". Вот он посмотрел, посмотрел... „Ну-ну-у, говорит... Это действительно"!.. Конечно, человек по описанию знал... Да ему ли было не знать. Такой умнейший человек, да чтобы про Лобное место не знал. Да он все, все на свете знал! Хоть чего и не видал, а знал по книгам. А тут своими глазами увидел, какое есть русское Лобное место в Москве. — „Действительно, говорит, это самое настоящее Лобное место". Ну еще бы не настоящее. Головы, как капустные качаны, каждый день катились. Иван Грозный не любил попусту говорить. „Я, говорит, такой царь: казнить, так казнить, а миловать, так миловать".

Ну, а все же Малюта поумнее его был. А отчего поумнее, так тут такая история. И вот какая эта самая история случилась.

Это раз заходит Иван Грозный с Малютой к одному боярину в гости. Ну, может на именины, а то просто — захотел на стороне попить-погулять... Во дворце-то надоело: все свое, и чего захотел, того и спрашивай, — отказу не будет. А тут — ешь, что подадут. Ну, может, и не это, а была другая причина... Одним словом, зашел он в гости с Малютой к этому самому боярину. Вот сидят, пьют, едят, речи говорят... Все как следует... А у этого боярина мальчонка годовалый по полу ползает... Ну, может, немного постарше был... Ну, хорошо .. Вот значит и ползает этот мальчонка, боярский сын... А из себя такой хорошенький...

Вот Иван Грозный возьми да и посади мальчишку этого к себе на колени... а мальчишка тут и наделал...

Как увидел Иван... взбеленился. „Малюта, кричит, удави этого мальчонку"! А Малюта говорит: „Я кого хочешь удавлю, но только дай, говорит, наперед тебе слово сказать"... „Ну, говорит Иван, какое там слово, сказывай“... — А вот какое, говорит Малюта, — „ты хоть царь, а дурак“. Иван Грозный и глаза

на него вытаращил. — „Как ты смеешь, кричит, — да я, говорит, из тебя пепел сделаю"... А Малюта подставил ему шею и говорит: „меня не испугаешь, сколько, говорит, ни живу, а умереть должен. А нынче ли умру, завтра ли — мне все едино. А только, говорит, ты настоящего дела не знаешь. Ты, говорит, подумай, кто такой этот мальчишка. Ведь он, говорит, еще дитё — ничего не смыслит. Нетто, говорит, он понимает, что ты царь. Он, говорит, еще не в разуме, и для него все равны... Вон, говорит, ходит по двору курица: приди к ней царь, приди нищий — ей все равно. Ее, говорит, дело зернышки сбирать, да яйца нести, и кудкудахчет она, говорит, одинаково, что при царе, что при нищем". Она, говорит, курица, и мозги у нее куриные — дурацкие мозги... Так, говорит, и этот мальчишка"...

„Вот, говорит, смотри — сделаю ему испытание, узнаешь, какой у него ум". Вот взял Малюта три тарелки: в одну насыпал верхом золота, в другую — алмазов, изумрудов, а в третью — горячих углей, настоящего жару. И поставил он эти тарелки на полу, потом пустил мальчонка на пол и говорит царю: „Ты, говорит, смотри, за что возьмется мальчишка"... Вот мальчишка пополз, пополз... Цап за угли и заорал руку обжег... Тут Малюта и говорит царю: „Видел, какой у него ум"!

„Твоя правда, говорит царь, не за что мальчонка давить". Снял он с себя одежду и говорит: „На, говорит, Малюта Скуратович, за твою верную службу. Носи, говорит, на здоровье". А Малюта ему в ответ: „я, говорит, слава богу, еще не сошел с ума, чтобы обгаженную одежду носить. Я, говорит, не какая-нибудь подлая тварь, а первый после тебя человек, и мне, говорит, подобает честь первая после тебя“.

Ну, конечно, знал, что нужен царю, вот и говорил так... А то бы, если бы не то, нешто сказал бы так. И за такую бы одежду в ноги поклонился... Ну, тоже и царь понимал, что без Малюты ему никак нельзя быть. Вот он и не осердился на его слова, а только говорит: „Твоя правда: после такого, говорит, дела мне не подобает носить эту одежу, и тебе, говорит, тоже не подобает, а потому, говорит, забери ты себе это золото и эти алмазы". Малюта и забрал.

А боярин только помалкивает. Это золото и изумруды эти его были, а только он ни слова... А что бы сказал? Ну, скажи он: „это мое золото, это мои алмазы", так они сейчас бы открутили ему голову и мальчонка этого удавили бы и сожгли бы дом. Боялись они кого, что ли? Оба владыки были, вот и лютовали...

Собрались — царь-зверь и палач и такой же Малюта, да еще злее.

Ну, все же долютовались — пришло время, и не стало им житья: как ночь, так и приходят которых они казнили... Придут и тоскуют. Это ихние души приходили... Вот царь да Малюта — что тут делат? Взялись молебны служить... Только служат, служат, а толку нет, еще больше стали приходить... Вот пришло лихо царю и Малюте... Малюта, как оглашенный, заметался по Москве. Метался, метался и сгинул. — „Где, где Малюта“. Нигде не видно, нигде не слышно, точно сквозь землю провалился. Думали — в реку бросился, утоп... Только если бы утоп, то всплыл бы, признали бы... Его ли не признать? Да его разбойничью рожу всяк признал бы... Ну, нет и нет, так вот и пропал... И никто не знает, что с ним стало, и в книгах об этом ничего не сказано.

Ну, один пропал. После того черед за царем пришел... А его черва одолела... Загнило его все тело, язвы на руках, на ногах пошли, и завелись в них черви. Так живьем и едят его... Он к докторам, и лекарства разные. И чего, чего не перепробовал. И травы разные, и составы. Нет, ну, хоть бы тебе самая малость облегчения... А те, которых он казнил, не отстают: как ночь — они уже являются... Ну и съела его черва... помер... Ну, как помер, тут многие перекрестились: „Слава тебе, господи"! Да и как не перекреститься, ежели каждый час мучения от него ждал...

Ну, как ни мучил, а ему тоже пришлось лихо. Так и заел его червь...

А про Малюту ничего неизвестно, какая его смерть...

А тоже, гляди, не лучше Ивановой — тоже, небось, где-нибудь окачурился как собака... Может, удавился в лесу...

Рассказал сапожник Василий Парфеныч Алексеев.

Е. З. Баранов. Московские легенды. Выпуск I, Москва, 1928.